

2. Конституция Республики Беларусь. Научно-практический комментарий / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2000. – 454 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г. : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 апреля 2016 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 343.97

О СОЦИАЛЬНЫХ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ АКТУАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ

Ю.Л. Приколотина,

доцент кафедры уголовного права и криминалистики УО «Полоцкий государственный университет», кандидат юридических наук

Криминологическая наука как деятельность, направленная на познание закономерностей преступности – феномена столь же изменчивого, сколь и стабильного, – естественно стремится как к продуцированию собственных оригинальных способов исследования, так и к освоению научных методов, зародившихся в недрах иных научных дисциплин, которые бы позволили обеспечить максимально адекватное объяснение криминальных феноменов.

Одним из научных направлений, приобретшим в последние десятилетия значительную популярность за рубежом и ищущим ее в отечественном научном сообществе, являются гендерные исследования. Вне всяких сомнений необходимо констатировать институционализацию гендерного подхода, то есть его признание в качестве самостоятельного научного метода. Данный факт подтверждается обилием научных исследований, использующих методологию гендера, проводимых в рамках различных научных дисциплин [9–10], повсеместным введением «гендерных» курсов в учебный процесс [1], а также открытием множества центров гендерных исследований.

Одновременно с обозначенным процессом, имеющим место в сфере познания, наблюдается включение гендерной проблематики в число ведущих социальных задач, вызванное применением категории «гендер» и производных от нее понятий в качестве инструмента проблематизации – выявления ранее скрытых очагов социального напряжения, что влечет вывод о признании гендерного измерения обязательным компонентом социальной политики. Обозначенный процесс находит свое воплощение в предпринимаемой либо планируемой ревизии законодательства на предмет выявления признаков гендерного неравенства с целью разработки мер по его устранению посредством законотворчества. Республика Беларусь не является исключением из этой общеевропейской тенденции. Набирает обороты и популяризация гендера посредством проведения мероприятий воспитательного и просветительского характера, направленных на фор-

мирование гендерной культуры и облегчение внедрения требуемых международным сообществом стандартов гендерного равенства.

Институционализация гендерных исследований может быть объяснена познавательным потенциалом характерного для них метода, способствующим возникновению новых проблемных областей – выявлению/распознаванию доселе скрытых феноменов либо объяснению новых свойств уже известных [3, 9–10]. Однако, как любое нововведение, носящее глобальный характер, и имплантируемое в тело социума, гендерная стратегия нуждается в критическом осмыслении. Иначе говоря, гендерная методология, призывая к проблематизации, сама нуждается в ней. Полагаем, что уяснение рассматриваемого здесь метода требует выяснения контекста его возникновения и актуализации, который, как будет показано далее, вызвал к жизни и актуализацию проблемы насилия в семье.

Одной из значимых тенденций, явственно проявляемой в социальной политике (в публичной сфере) всех европейских государств, включая постсоветские, и стимулирующих соответствующие научные изыскания, является заметно возросшее внимание к проблеме насилия в семье. Актуализация проблемы насилия в семье может быть объяснена несколькими, не исключающими друг друга, способами.

Семья как социальный институт, хотя и является одним из наиболее консервативных установлений, однако в последние десятилетия претерпевает существенные изменения, говоря словами многих ученых «находится в кризисе» [4]. Кризис социальных институтов характеризуется частичным или полным отсутствием нормативного регулирования отношений, выраженным в ослаблении воздействия внешних нормативных регуляторов (внешнего контроля поведения личности), расплывчатостью, неустойчивостью и противоречивостью норм, определяющих цели деятельности, и норм, определяющих порядок и средства достижения заданных целей. Именно таковым представляется кризисное (аномичное) состояние социальных институтов и социума в целом согласно концепции социальной дезорганизации Э. Дюркгейма.

Кризисность расценивается как переходное состояние – изменение доминирующего источника поведения индивида (источника мотивообразования и деятельности), а соответственно и общественных отношений, то есть их ценностно-нормативной составляющей – гетерономные регуляторы должны быть дополнены (умеренный подход) либо заменены (радикальный подход) автономными.

Общий вектор трансформации семейных отношений – возрастание значимости волеизъявления субъекта. Так, исследователи семьи повсеместно констатируют утрату семьей свойств социального института (недейственность норм, являющихся прежде эталоном семейной жизни) и возрастание значимости субъективного фактора (усмотрения субъекта) в семейных отношениях.

В условиях трансформации личность пребывает в неустойчивом состоянии – она уже знает о своем значении и о своей свободе, так как в первую очередь ей даруется право на нее (право на свободу, право на достоинство), однако она еще не осознает себя свободной, не имеет необходимого опыта, и не понимает неизбежного последствия и назначения освобождения – ответственности.

Потому первыми актами нарождающегося человека являются понимание и проявление свободы как возможности и намерения отрицать. С.А. Левицкий называет такую свободу отрицательной либо свободой «от». Свобода такого рода может быть охарактеризована как способность к игнорированию, пресечению либо редукции внешних и внутренних влияний, но есть еще только произвол, то есть «возможность всего». Свобода отрицательная является необходимой, но недостаточной, ибо должна сублимироваться в свободу положительную (свободу «ради») – свободу от детерминации ради служения идеальным, сверхличным ценностям.

Негативность свободы, проявляющаяся в масштабах общества, может быть обозначена как глобальная негативность. Будучи склонной отрицать, характеризуемая личность не стремится обнаружить объективных оснований нормативных, в том числе правовых, требований, потому зачастую оказывается во власти стихии. Как отмечает В.А. Тимофеев: «Видимо, первоначальные этапы движения к стабильным обществам вряд ли могут предполагать приоритетный анализ человека как автономного существа идентичного самому себе». В.Б. Агранович полагает, что для переходного типа личности характерна антиномичность разума. Плюрализм мнений, обуславливающий ситуацию постоянного выбора между несовместимыми «ценностями», в условиях утраты внешних ориентиров и потери внешними регуляторами своей прежней силы, приводит личность к внутреннему конфликту.

Плюрализм в ценностно-нормативной сфере в условиях масштабной незрелости личности чреват многими криминогенными последствиями – ввиду своей избыточности он приводит к распространенности релятивизма и более жестких форм отклонений ценностного сознания (правового, морального, религиозного, эстетического нигилизма), а соответственно и поведения.

Увеличение фактов насилия в семье может быть рассмотрено как следствие нормативного вакуума (ослабления действия нормативных регуляторов) – здесь в полной мере выражается универсальная закономерность, состоящая в зависимости качественных и количественных характеристик преступности как социального феномена от глобальных социальных процессов (если придерживаться социологической парадигмы криминологии). Утрата ориентиров построения отношений является криминогенным фактором, то есть может явиться фактором преступности.

Итак, необходимо констатировать тенденцию субъективизации семейных отношений, что может быть расценено как признак и результат роста свободы личности как расширения возможностей произвольного выбора. Внешние регуляторы поведения заметно утратили свою силу. Однако обратной стороной этого процесса, процесса «освобождения» личности, имеющего место наравне с утратой ориентиров либо именно в этом и состоящего, признается рост конфликтности в семьях, уровень разводимости, рост монородительских семей, а также насилие в семье. Все указанные выше тенденции обусловили закономерный научный интерес к семье, включая насилие.

Кризис семьи как социального института обуславливает критику традиционной семьи. Внутрисемейные отношения весьма долго оставались для общества

и науки абсолютно либо относительно закрытой темой, что было вызвано всеобщим признанием их священности, происходящей от христианской традиции, в которой семья уподобляется «малой церкви», а соответственно признается автономным образованием, максимально тесно связанным с церковью «большой» [2]. Упомянутая природа семьи возлагала на нее функцию общественного служения. Потеря семьей свойства священности привела к тому, что теперь семья – всего лишь один из типов самореализации личности (согласно замыслу гуманистической психологии), то есть сфера, где человек «удовлетворяет свои потребности».

Критика традиционной семьи, именуемой также как «традиционно-патриархальная», порождает выводы радикального характера – насилие в семье было и является нормой в семьях, которые строятся по этой модели и лишь актуализация проблемы насилия позволяет выявить эту проблему, стимулируя женщин и детей, которые преимущественно являются жертвами, противостоять обидчику.

Другой, не менее значимой причиной обострения внимания к насилию в семье, необходимо признать всеобщую тенденцию переориентации с публично-го на персональное (как вариант – на индивидуальное) как на первоисточник общественного и в связи с этим возникший у государства и публики живой интерес к вопросам, непосредственно сопряженным с индивидуальной (интимной в широком смысле) жизнью человека, воплощенной прежде всего в личных и семейных отношениях.

Одним из проявлений и последствий усугубленного внимания к индивидуальному является тенденция реформирования концепции неприкосновенности личности посредством снижения порога допустимого воздействия на тело и психику человека, совершаемого против его воли, а также признание воли человека основным источником определения предела внешнего воздействия.

Многообразие направлений исследований именуемых «гендерные» столь значительно, что требует отдельного серьезного рассмотрения, не вписывающегося в пространственные рамки настоящей статьи. Помимо этого, несмотря на разнообразие областей применения гендерной методологии (влекущее ее соответствующую дифференциацию), она может быть уяснена посредством рассмотрения фундаментальных положений, породивших ее и составляющих ее остов. Именно они, как позиционируется, порождают уникальные объяснительные модели, что также позволяют выявлять проблемы, то есть проблематизировать ранее считавшееся беспроблемным.

Гендерные исследования как порождение феминистской идеологии базируются на априорном утверждении о неравенстве полов в рамках традиционного (патриархального) общества – в максимально радикальной форме речь идет об угнетении женского пола мужским, – и нацелены на выявление форм и меры неравенства [9], [2]. Сама суть гендерного метода сопряжена с переживанием неравенства мужчин и женщин, с чувством несвободы, которое, как легко понять, может возникнуть лишь у личности освобождающейся (налицо связь с аномией).

Первой и самой важной позицией, нуждающейся в критическом осмыслении, является сама категория «гендер» как фундаментальное понятие обозначен-

ного метода. Данная категория была введена в научный оборот в связи с намерением разделить сущность пола как биологического феномена и пола как феномена социального. Под гендером понимается «социальный пол» как конструкт. Проблемы, связанные с данной категорией, закономерно проистекают из методологических оснований гендерной стратегии – в ее рамках все феномены нормативной природы суть социальные феномены, то есть случайно возникшие либо продукт человеческого произвола. Умышленное предопределение ролей мужчины и женщины в форме нормативных требований, то есть конструирование пола, ограничивает свободу самоопределения человеческих особей. Критика пола как конструкта приводит к признанию единственно адекватной queer-идентичности, по сути совершенно неопределенной анархической идентичности, не имеющей под собою иных оснований, кроме «чистой субъективности» [6]. В ответ на описанную логику гендерной методологии вменяют в вину дематериализацию пола, то есть игнорирование биологических особенностей мужчины и женщины.

«Гендерный протест» может быть объяснен кризисом наук о человеке – человек понимается в них как существо детерминированное социумом и как существо детерминированное биологически, как биосоциальное существо. Вымысливание из человеческой природы собственно человеческого и приводит к некому метафизическому бунту. Иначе говоря, гендерные исследования – это борьба за свободу человека, за собственно человечность, за признание способности личности к самодетерминации. Однако, ставя под сомнение истинность, рациональность координат, в которых личность самоопределяется, необходимо иметь некий эталон, некую чистую модель самодетерминации. Однако выявить таковую в гендерных исследованиях не представляется возможным.

Основной посыл гендерных штудий ценен как революционный призыв, ведь он требует обновленного взгляда на реальность человеческой жизни, культуры, человеческих отношений. Ценность гендерных исследований состоит в актуальности призыва, обращенного к современному человеку, современному обществу и современному гуманитарии. Однако поставив под сомнение все человеческие феномены, то есть феномены прежде всего нормативные, не различая их природы, маркируя их как «социальные» (понимая под социальностью нечто извне навязанное свободной суверенной личности), легко, как говорится «выплеснуть с водой младенца». Ведь поставление под сомнение всех человеческих феноменов требует, как минимум, различения их природы, то есть разделения социального и ценностного (несоциального) как в человеке, так и в культуре.

Итак, методология гендерных исследований может быть признан закономерным явлением, так как та ситуация аномии, в которой оказался современный человек, и все общество, может быть охарактеризована как методическое сомнение, то есть сомнение, являющееся средством познания, а также последствием и проявлением ценностного вакуума.

Список использованных источников:

1. Гендерные исследования в контексте социологического образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://soc.spbu.ru/obrazovanie/teaching/mag/soc/soc_gi/gend_1.pdf. – Дата доступа: 09.10.2016.

2. Гендерное равенство в сфере высшего образования: пути и средства достижения / И. Н. Кандричина и др. ; науч. ред. : В. Г. Шадурский, Л. С. Лукина. – Минск : Юнипак, 2016. – 54 с.

3. Грейг, А., Киммель, М., Ланг Д. Мужчины, типы маскулинности и развитие личности: Расширяя возможности гендерного равенства / А. Грейг, М. Киммель, Д. Ланг. 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://un.by/pdf/-6605.pdf>. – Дата доступа : 09.10.2016.

4. Дашкова, Т. Гендерная проблематика: подходы к описанию / Т. Дашкова // Исторические исследования в России–II. Семь лет спустя / Под редакцией Г. А. Бордюгова. - М.: АИРО-XX, 2003. – С. 203–245.

5. Евдокимов, П. Н. Женщина и спасение мира : О благодатных дарах мужчины и женщины / П. Н. Евдокимов / пер. с фр. Кузнецовой Г. Н. – Мн.: «Лучи Софии», 2009. – 272 с.

6. Квир-сексуальность: кому и зачем «это» нужно. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://n-europe.eu/article/2012/10/31/kvir_seksualnost_komu_i_zachem_eto_nuzhno Дата доступа : 09.10.2016.

7. Куприянова, А. В. Гендерная криминология: создание частной криминологической теории / А. В. Куприянова // Вестник Забайкальского государственного университета. 2008. – № 6 (51). – С. 187–191.

8. Николаева, Г. А. Национально-культурная специфика гендерных отношений (на материалах Республики Бурятия). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. культурологии. Санкт-Петербург, 2013 – 24 с.

9. Ритцер, Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер / 5-е изд. - СПб.: Питер, 2002. – 688 с.

10. Шишлова, Е. Э. Гендер как инновационный научный и философский дискурс / Е. Э. Шишлова // Вестник МГИМО-Университета. – № 1 (28). 2013. – С. 148 – 152.

УДК 340

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Т.И. Пугачёва,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики Полоцкого государственного университета

Законность проявляется в сфере административного регулирования и составляет организационную и правовую основу деятельности субъектов административного права. Принцип законности предполагает, что государственное управление не только имеет исполнительный характер, но и в процессе осуществления строго основывается на действующем законодательстве. Законность охватывает различную управленческую деятельность, обеспечивает единообразное понимание и применение правовых норм как управляющими, так и управляемыми. Она является объективным условием эффективности управления.

Государственное управление имеет правовой характер, поэтому может осуществляться лишь в дозволенных рамках. В соответствии со статьей 7 Кон-